

А. А. ANANYEVA

УДК 340

DOI [10.17150/1993-3541.2016.26\(1\).141-148](https://doi.org/10.17150/1993-3541.2016.26(1).141-148)

А. А. АНАНЬЕВА

*Саратовская государственная юридическая академия,
г. Саратов, Российская Федерация*

«ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСТРУКЦИЯ»: К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ

Аннотация. Несмотря на все возрастающую популярность термина «юридическая конструкция», до настоящего времени отсутствует его общепризнанное определение, в связи с чем его использование в научной литературе по большей части представляется хаотичным, а подчас и абсолютно формальным. В связи с этим в статье ставится задача по формулированию определения данного термина. Отталкиваясь от сущности правовой конструкции, заключающейся в том, что она является результатом соединения как минимум двух простых элементов и обладает сложной структурой, тщательно анализируются отдельные ее признаки и элементы, позволяющие решить поставленную задачу. В этих целях исследуется ряд правовых явлений, от которых необходимо отталкиваться при выявлении сущности юридической конструкции: правовое средство, типовая схема, правовая ситуация, конструктивная сущность и ряд других. Рассматривается вопрос об уровнях абстракции, свойственных отдельным видам юридических конструкций. В заключение предлагается авторское определение понятия «юридическая конструкция», а также обращается внимание на совокупность специфических свойств и признаков юридических конструкций, являющихся производными от тех, которые нашли отражение в предложенном ей определении.

Ключевые слова. Юридическая конструкция; правовая конструкция; правовая модель; правовая ситуация; типовая схема; элементы юридической конструкции.

Информация о статье. Дата поступления 9 декабря 2015 г.; дата принятия к печати 26 декабря 2015 г.; дата онлайн-размещения 29 февраля 2016 г.

А. А. ANANYEVA
*Saratov State Law Academy,
Saratov, Russian Federation*

ON THE DEFINITION OF «LEGAL STRUCTURES»

Abstract. The term «legal structure» is becoming more and more popular; however, it still lacks a generally accepted definition which is why its usage in the scientific literature is mostly chaotic and sometimes purely formal. Therefore, the present article aims at defining this term. Based on the fact that the legal structure presents a complex unity of at least two simple elements, the current research carefully analyzes its selected characteristics and elements to achieve the objective. To do this, it is necessary to investigate a set of legal phenomena that form the substance of the legal structure: legal remedy, model scheme, legal situation, structural essence etc. The issue of various levels of abstraction specific to selected types of legal structures is addressed. In conclusion, we offer author's definition of the legal structure and draw the attention to the set of specific properties of the legal structure that derive from those ones reflected in the given definition.

Keywords. Legal structure; legal model; legal situation; model scheme; elements of legal structures.

Article info. Received December 9, 2015; accepted December 26, 2015; available online February 29, 2016.

Правовая действительность свидетельствует о том, что термин «юридическая конструкция» находит очень частое применение как в научной, так и в правоприменительной среде. С одной стороны, данный факт указывает на «популярность» рассматриваемого правового явления как в среде ученых, так и в среде практиков; а с другой стороны, отсутствует комплексное представление о сущности юридических конструкций.

Подобная ситуация свойственна и другим правовым явлениям. Так, например, аналогич-

ную проблему описывает Ю. В. Виниченко применительно к использованию в праве термина «требование». Она подчеркивает, что «категория "требование" является одним из понятий, наиболее часто используемых как в законодательстве, так и в правоведении. Однако, несмотря на такую «популярность», единое понимание "требований" в праве отсутствует» [1, с. 6]. Отсутствие четкого представления о существовании юридических конструкций приводит к тому, что зачастую данное понятие применяют интуитивно, не вкладывая в него никакого содержания.

LAW AND LEGISLATION

Таким образом, имеется насущная необходимость определиться с терминами и понятиями.

Для начала отметим, что любая конструкция, в том числе и юридическая, является результатом соединения как минимум двух простых элементов и обладает сложной структурой. В противном случае конструирование становится невозможным. На данное обстоятельство не раз указывалось в юридической литературе. Так, А. Н. Костюков полагает, что юридические конструкции потому и относятся к правовым феноменам, поскольку представляют собой нормативные модели, имеющие внутреннюю структуру [2, с. 4]. С. Н. Овчинников обоснованно подчеркивает сложную структуру юридических конструкций и называет их составными образованиями [3, с. 125].

Акцентируя внимание на том, что любая юридическая конструкция имеет сложное структурное строение, следует подчеркнуть, что образование данной структуры является результатом соединения ее взаимообусловленных элементов. Ключевое слово здесь — результат. Данное обстоятельство не всегда учитывается при формулировании определения юридических конструкций. Например, М. Ю. Челышев под юридическими конструкциями понимал конкретный способ закрепления правовых инструментов в гражданском законодательстве [4, с. 33]. Термин «способ», на наш взгляд, не в полной мере подходит для определения сущности правовых конструкций, поскольку он подразумевает ответ на вопрос «каким образом правовые средства закрепляются в законодательстве». Для наглядности приведем следующий пример. Нельзя же приравнивать автомобиль, как сложную конструкцию, полученную в результате сборки, к отверточному производству, как способу его сборки. Аналогичный подход должен применяться и к пониманию существа юридических конструкций.

Сделанный нами вывод о том, что юридическая конструкция является результатом соединения, а не его способом, отнюдь не свидетельствует о том, что способ соединения элементов не играет никакой роли. Напротив, не любое соединение, а только *мысленное* (идеальное) свойственно элементам юридической конструкции. О том, что юридическая конструкция имеет идеальную природу и является моделью в научной литературе, подчеркивалось неоднократно. Так, В. В. Чевычелов отмечает, что, на теоретическом (доктринальном) уровне юридическая конструкция «предстает перед нами своего рода

структурной идеей определенного вида правовых явлений» [5, с. 44], является прообразом, на основе которого «тиражируются единичные законодательные конструкции» [6, с. 27]. С. С. Алексеев, рассматривая с гносеологических позиций данное правовое явление, подчеркивал, что предложенное понимание юридических конструкций предопределено последовательным различением объекта юридической науки как внешней по отношению к исследователю реальности и ее теоретического описания «средствами науки как предмета» [7, с. 144]. Таким образом, теоретический уровень задает интеллектуальное разрешение определенного вопроса, «выраженного в оптимальной модели построения прав, обязанностей, соответствующих юридических фактов» [8, с. 197]. Как идеальную модель, отражающую структуру общественных отношений, рассматривает юридическую конструкцию А. Ф. Черданцев [9, с. 131].

Мы предлагаем не акцентировать внимание при формулировке определения юридической конструкции на словосочетании «правовая модель». Достаточно указать на то, что она представляет собой *результат мысленного соединения* элементов по типовой схеме.

Теперь пришло время определиться, что же понимается под элементами юридической конструкции. Следует отметить, что многие юридические конструкции рассматриваются через категорию правовых средств. В науке гражданского права, как, впрочем, и в других правовых отраслях, преобладает инструментальный подход при исследовании сущности юридических конструкций. С. С. Алексеев отмечал необходимость придать юридическим конструкциям «научное звучание», не связанное только одним нормативным подходом к праву, и расширить, обогатить эти материалы с позиции теории правовых средств [10, с. 39]. В юридической литературе нередко можно встретить вывод о том, что юридические конструкции представляют собой конкретный способ закрепления в гражданском законодательстве разного рода правовых инструментов. Как совокупность правовых средств финансово-правовую конструкцию определяет Ю. Л. Смиркина [11, с. 73]. В. В. Переверзев приходит к выводу о том, что «юридические конструкции представляют собой комплексы правовых средств, которые образуют типизированные модели, соответствующие своеобразной разновидности общественных отношений» [12, с. 115]. А. Н. Костюков представляет юридические конструкции как цепочку правовых средств [2, с. 5].

А. А. АНАНЬЕВА

А. В. Иванчин рассматривает юридические конструкции не как прием законодательной техники, а как ее средство [13, с. 87].

На наш взгляд, тезис о том, что юридическая конструкция — это мысленный результат соединения правовых средств, нуждается в уточнении. Первое, на что хотелось бы обратить внимание в данном аспекте, это то, что юридические конструкции являются не только средствами воздействия на поведение субъектов права, но и средствами законодательной техники. Последние, безусловно, имеют правовую природу. В этой связи их справедливо относят к категории правовых средств. Например, Л. Н. Ушакова к правовым средствам относит: общерегулятивные средства; правовые средства целостных правовых режимов; операциональные право-реализующие правовые средства; технико-юридические средства законодательной регламентации [14, с. 10]. Исходя из такого широкого понимания термина «правовые средства», его целесообразно использовать в определении юридической конструкции, исходя из того, что он охватывает собой и средства законодательной техники.

Следующее, на что хотелось бы обратить внимание, это то, что юридическая конструкция может представлять собой совокупность не только правовых средств, но и их элементов. Так, элементами конструкции конкретного гражданско-правового договора являются его условия, которые сами по себе в качестве правовых средств рассматриваться не могут. Гипотеза, диспозиция и санкция — элементы конструкции нормы права, но по отдельности регулятивного воздействия на общественные отношения оказать не в состоянии.

Далее следует отметить, что в качестве юридической конструкции можно рассматривать правоотношение и его отдельные элементы. Между тем, правоотношение вряд ли можно отнести к категории правовых средств. Оно является скорее результатом воздействия правовых средств на общественные отношения и относится к категории правовых форм. Не будучи правовым инструментом, правоотношение традиционно представляет собой взаимосвязанную совокупность таких элементов, как объект, субъекты и содержание. Некоторые из перечисленных элементов могут рассматриваться как самостоятельные юридические конструкции. Так, субъективные права конструктивно состоят из отдельных правомочий. В отдельных случаях правомерно говорить о юридической конструк-

ции такого субъекта правоотношения, как юридическое лицо. Это возможно сделать отнюдь не потому, что мы считаем его правовым средством. Мы придерживаемся той точки зрения, что правовые средства — это инструменты, которыми могут воспользоваться субъекты права, в том числе и юридические лица.

Таким образом, юридические конструкции являются результатом соединения не только правовых средств, но и их элементов и элементов правоотношений.

Оставив за рамками настоящей статьи подробный сравнительный анализ юридических конструкций и правовых средств, отметим лишь, что *полное отождествление юридических конструкций с правовыми средствами недопустимо*, некоторые из них можно рассматривать лишь как средства познания либо как средства законодательной техники.

В этой связи указание в нашем определении на *мысленный* результат соединения правовых средств по типовой схеме имеет целью подчеркнуть, что мысли и представления о правовых средствах (их соединении) и сами правовые средства отождествлять нельзя.

Здесь следует обратить внимание еще на один важный признак юридических конструкций. Их появление, как понятия, явилось результатом типизации в праве. В этой связи подчеркнем, что не любой мысленный результат соединения правовых средств (их элементов) и элементов правоотношений можно назвать юридической конструкцией, а только такой, который основан на выверенной *типовой* схеме. Типизация, помимо прочего, предполагает абстрагирование от всего несущественного и второстепенного. Как подчеркивает В. Е. Хизов, юридической конструкцией является устойчивый набор элементов, безразличных до определенной степени к своему содержанию. Фактическое же содержание элементов, их наполнение конкретными нормами права может меняться [15, с. 41]. С этим мнением следует согласиться. Так, если отождествить конкретные правовые нормы с юридическими конструкциями, то последние потеряют одно из главных своих качеств — устойчивость к изменениям. Между тем в юридической конструкции фиксируются не все, а лишь устойчивые, повторяющиеся, закономерные его свойства и элементы [16, с. 45]. Благодаря этому юридическая конструкция является наиболее стабильной единицей права.

В подкрепление наших доводов приведем высказывание О. А. Халабуденко, который под-

LAW AND LEGISLATION

черкивал, что на нормативном уровне юридическую конструкцию «не следует отождествлять с “фрагментами действительного позитивного права”, выводимого из того же права. Во всяком случае, юридическая конструкция не следует за нормой права и не предшествует норме права (в значении приказа), но позволяет норме права (в указанном значении) воплотиться в ткани позитивного права, объективироваться в правовом высказывании» [17, с. 183]. Оно созвучно мнению Аристотеля о том, что сущность не выводится из той «материи», из которой строится вещь [18, с. 168]. Далее С. С. Алексеев пишет: «В этом смысле юридические конструкции предстают как “органический элемент собственного содержания права”» [10, с. 39]. Данная позиция была поддержана Н. Н. Тарасовым, которому принадлежат следующие строки: «Понимание юридических конструкций как собственного содержания права, помимо обозначения новых эвристических горизонтов юридического исследования, представляется чрезвычайно плодотворным для преодоления отношения к праву как форме, не имеющей собственной истории, собственного содержания, сложившегося в рамках парадигмы социально-экономического детерминизма» [7, с. 30].

Правда, С. С. Алексеев также полагал, что на нормативном уровне юридические конструкции закрепляют «сложившуюся типовую схему, модель поведения» в нормах объективного права [Там же]. Позволим себе уточнить, что юридические конструкции типовую схему закреплять не могут по двум причинам. Во-первых, они сами в известной мере являются типовой схемой. Во-вторых, юридические конструкции служат первоосновой (мысленной несущей конструкцией) для построения нормативного материала, на который «крепится» ткань позитивного права, а не нормы права служат основой для крепления конструкций. Кроме того, из буквального толкования выражения С. С. Алексеева следует, что юридическая конструкция позволяет объективироваться норме права, а не наоборот. На наш взгляд, здесь уместно привести аналог улицы со встречным движением. С одной стороны, очень часто юридическая конструкция предшествует позитивному праву, но нередки и противоположные случаи, когда анализ нормативного материала позволяет «вывести» юридическую конструкцию. Вместе с тем, не следует заниматься казуистикой, а необходимо понять какой истинный смысл С. С. Алексеев вкладывал в свое высказывание. В этом случае он заключается в

том, что юридические конструкции так или иначе объективируются в нормах права, из анализа которых можно судить о наличии либо отсутствии юридических конструкций.

Еще раз подчеркнем, что юридические конструкции, как продукт типизации, должны обладать высокой степенью абстракции «от бесконечной совокупности свойств, признаков, отношений исследуемых объектов...» [9, с. 240]. Однако процесс абстрагирования не должен быть произвольным. Выделение сущностных черт правового явления должно производиться с учетом опыта, накопленного правовой наукой об указанных явлениях на данном этапе ее развития. Появлению юридических конструкций должен предшествовать тщательный анализ накопленных о соответствующем правовом явлении научных знаний, истории развития законодательства о нем и опыт правоприменительной практики. Только те элементы и взаимосвязи явления правовой действительности, которые прошли апробацию временем и на данный момент являются неизбылемыми и не подвергаются сомнению, могут претендовать на их закрепление в теле юридической конструкции. Нашим суждениям созвучно следующее высказывание И. Канта: «Философские дефиниции осуществляются только в виде экспозиции данных нам понятий, а математические — в виде конструирования первоначально созданных понятий; первые осуществляются лишь аналитическим путем расчленения (завершенность которого не обладает аподиктической достоверностью), а вторые — синтетически; следовательно, математические дефиниции создают само понятие, а философские — только объясняют его» [10, с. 3, 611].

Кроме того, следует отметить, что уровень абстракции должен соотноситься с конкретным видом юридической конструкции. Например, для конструкции юридического лица в целом требуется высокий уровень абстракции. Для конструкции такого вида юридического лица, как корпорация, уровень абстракции чуть ниже, поскольку в данной модели требуется выделение дополнительных признаков, которые не присущи юридическим конструкциям унитарных юридических лиц. Еще более низкий уровень абстрагирования должен быть установлен для конструкции общества с ограниченной ответственностью. Зависимость здесь простая: чем больше конкретики необходимо для описания сущности правовых явлений, тем меньше должен быть уровень абстракции для построения юридической конструкции. В то же время для

А. А. АНАНЬЕВА

описания конкретной правовой конструкции уровень абстракции должен быть максимальным, т. е. свидетельствовать о том, что перечень существенных признаков данного правового явления является исчерпывающим.

Говоря о высокой степени абстракции юридических конструкций, следует подчеркнуть, что процесс абстрагирования в данном случае связан, с одной стороны, с отвлечением от второстепенных признаков объекта моделирования, а с другой, с выделением наиболее значимых, типовых для данного правового явления черт. Недаром нами уже обращалось внимание на то, что юридические конструкции строятся по типовой схеме, содержание которой различается от вида юридической конструкции. Именно такое понимание схемы нашло отображение в философии И. Канта, который под схемой понимал метод, необходимый для того, чтобы сделать наглядным абстрактное понятие при помощи замещающих его наглядных представлений. Так, «понятие о собаке, — писал И. Кант, — означает правило, согласно которому мое воображение может нарисовать четвероногое животное в общем виде, не будучи ограниченным каким-либо частным обликом, данным мне в опыте, или же каким бы то ни было возможным образом in concreto» [19, с. 23]. В схеме элементы изображаются условно без соблюдения масштаба. Схема происходит от греческого слова «schema» — наружный вид, форма. Означает ли это, что конструкция, будучи формой, не имеет своего содержания? Конечно же, нет. Даже если не затрагивать вопрос о диалектике формы и содержания, можно с уверенностью сказать, что, являясь формой по отношению к одному явлению, схема богата собственным внутренним содержанием. Если представить себе схему движения поездов по разветвленной сети железных дорог, то совокупность охваченных данной схемой образцов железнодорожных путей (с делением их на четные и нечетные) будет представлять ее содержание. Однако какие конкретные поезда и какие конкретные пассажиры будут двигаться по этим путям, и с какой периодичностью на момент построения схемы не известно.

Такие черты юридической конструкции, как наличие в ее содержании типовой схемы и ее идеальная природа позволяют отнести данное правовое явление к «юридическим категориям». Так, Ж.-Л. Бергель под юридическими категориями понимает основанные на выделении общих черт предметов интеллектуальные построения, предназначенные для лучшего пони-

мания и применения права, выступающие в роли фактора схематизации права [20, с. 358]. Конечно же, у данной правовой категории имеются свои отличительные черты. В компьютерном моделировании используют понятие «каркасная модель», которое применимо и при правовом конструировании. В данном случае это понятие аналогично термину «типовая схема».

Квалифицируя юридическую конструкцию как типовую схему, следует обратить внимание, что типизации при этом должны подлежать только сущностные элементы и взаимосвязи, обеспечивающие устойчивость юридических конструкций в течение достаточно продолжительного периода времени. Явления динамичны и изменчивы по своей природе, а сущность призвана сохраняться при всех изменениях, поэтому юридическая конструкция должна отражать сущность правового явления. В противном случае юридические конструкции не смогут рассматриваться как собственное содержание права. Так, в философском словаре отмечается, что сущность представляет собой не что иное, как внутреннее содержание предмета, выражающееся в единстве многообразных и противоречивых форм его бытия, а явление представляет собой выражение предмета, внешнюю форму его существования [18, с. 168]. Таким образом, говоря о сущности права как явления, мы имеем в виду его внутреннее содержание, т. е. совокупность юридических конструкций.

Между тем, понятие «сущность» (правовая природа) не тождественна понятию «юридическая конструкция». Последнее должно отражать сущность, но не сводиться к ней, хотя бы потому, что не все правовые явления имеют конструктивную природу. Поэтому юридическим конструкциям имманентна «конструктивная сущность». Иногда данный термин применяют в одном ряду с понятиями «конструкт», «принцип» и т. д. Вместе с тем А. Ф. Лосев отмечал: «все термины то более, то менее односторонни в сравнении с термином “конструктивная сущность”» [21, с. 76]. По мнению автора, «самоположенность сущности в ее собственных границах означает, что предмет становится видимым для ума, т. е. эйдосом» [22, с. 732]. Под эйдосом (от древнегреч. εἶδος — вид, облик, образ) в данном смысле понимается «конкретная явленность абстрактного», «вещественная данность в мышлении». Юридические конструкции позволяют объективировать сущность правовых явлений.

Наши рассуждения о сущности правовых явлений, которые должны отражаться в юриди-

LAW AND LEGISLATION

ческих конструкциях, явились не результатом праздного интереса. На наш взгляд, на данном этапе исследования мы подошли к первопричине, явившейся источником возникновения такого явления, как юридические конструкции. Вероятно, с нее следовало бы начать изложение нашей позиции по рассматриваемой проблеме. Однако мы поступили иначе в надежде на то, что последний штрих в определении гражданско-правовой юридической конструкции свяжет воедино все ее признаки, на которые мы обратили внимание ранее. Итак, по аргументированному мнению С. С. Алексеева, юридические конструкции *предназначены для решения конкретных правовых ситуаций*. При этом автор определяет правовую ситуацию как «сложное жизненное обстоятельство, особый “поворот” в делах и событиях, т. е. столкновение интересов и страстей, казус, не поддающийся простому разрешению на основе одних лишь представлений о морали, принятых в данном круге людей обыкновений, — словом, то, что уже в юридической сфере образует “дело”» [23]. В качестве инструмента решения правовой ситуации, по мнению автора, недостаточно какого-либо одного правового средства, а требуются «явления более высокого порядка», выражающиеся в качественном усложнении (типовом сочетании) правовых средств. В качестве таких явлений выступают юридические конструкции, представляющие собой «наиболее примечательный “слой” правовой материи» [Там же]. Приведенное высказывание позволяет выделить такой признак юридических конструкций, как производность от системы общественных отношений. На это в свое время обращал внимание Н. М. Коркунов, объяснявший пользу применения юридических конструкций тем, что более устойчивые и прочные выводы получаются, когда исследуются не правовые нормы, а юридические отношения. Автор ука-

зывал на существование в динамичной правовой действительности наиболее устойчивых (постоянных) элементов [24, с. 348].

Подытоживая наши рассуждения, можно предложить следующее определение:

Юридическая конструкция — результат мысленного соединения правовых средств (их элементов) либо элементов правоотношений по выверенной типовой схеме в целях решения конкретных правовых ситуаций.

В заключение обратим внимание на совокупность специфических свойств и признаков юридических конструкций, которые можно считать производными от тех, которые нашли отражение в приведенном определении. Во-первых, это устойчивость во времени. Н. М. Коркунов также предъявлял следующие требования к юридической конструкции: условие полноты, условие последовательности, простоты и естественности [Там же, с. 353–534]. Н. А. Власенко обращает внимание на такие требования, как логическое сходство модели и реальности, отсутствие «рыхлости» конструкции, максимальной компактности изложения юридических конструкций и их элементов [25, с. 166–167]. Способность объективации в нормах права и иных правовых средствах является еще одним из признаков юридических конструкций. Важно в данном высказывании другое — способность к вербальному выражению.

Одним из элементов юридической конструкции является определение (дефиниция) того правового явления, который в ней отражен. Синтетические дефиниции включают в себя основные, наиболее значимые с точки зрения субъектов правотворчества содержательные характеристики объекта [Там же]. Синтетические дефиниции обладают своей структурой, в которой существуют относительно стабильные типичные элементы. К сожалению, пока отсутствует ответ на вопрос о внутренней логике таких конструкций.

Список использованной литературы

1. Виниченко Ю. В. Требования в праве (общетеоретический аспект) [Электронный ресурс] / Ю. В. Виниченко // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). — 2010. — № 6. — Режим доступа : <http://brj-bguer.ru/reader/article.aspx?id=13987>.
2. Костюков А. Н. Муниципально-правовые конструкции / А. Н. Костюков // Конституционное и муниципальное право. — 2002. — № 4. — С. 4–8.
3. Овчинников С. Н. Юридические конструкции в таможенном праве / С. Н. Овчинников // Правоведение. — 2008. — № 4. — С. 124–134.
4. Чельшев М. Ю. О юридических конструкциях в проекте изменений и дополнений в Гражданский кодекс Российской Федерации / М. Ю. Чельшев // Гражданское право. — 2013. — № 1. — С. 33–35.
5. Чевычелов В. В. Юридическая конструкция : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / В. В. Чевычелов. — Н. Новгород, 2005. — 180 с.

А. А. АНАНЬЕВА

6. Чевычелов В. В. К вопросу о понятии юридической конструкции / В. В. Чевычелов // Государственная власть и местное самоуправление. — 2005. — № 11. — С. 27–29.
7. Тарасов Н. Н. Методологические проблемы юридической науки / Н. Н. Тарасов. — Екатеринбург : Изд-во Гуманит. ун-та, 2001. — 264 с.
8. Алексеев С. С. Избранное / С. С. Алексеев. — М. : Статут, 2003. — 480 с.
9. Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике / А. Ф. Черданцев. — Екатеринбург : УИФ «Наука», 1993. — 192 с.
10. Алексеев С. С. Право на пороге нового тысячелетия: некоторые тенденции мирового правового развития. — надежда и драма современной эпохи / С. С. Алексеев. — М. : Статут, 2000. — 256 с.
11. Смиркина Ю. Л. Правовая модель публичных финансов: конструктивный подход / Ю. Л. Смиркина // Вестник Российской правовой академии. — 2011. — № 2. — С. 69–74.
12. Переверзев В. В. Юридическая конструкция как научная проблема: теоретико-правовой аспект / В. В. Переверзев // Философия права. — 2009. — № 3. — С. 113–116.
13. Иванчин А. В. Уголовно-правовые конструкции и их роль в построении уголовного законодательства : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А. В. Иванчин. — Ярославль, 2003. — 201 с.
14. Ушакова Л. Н. Дефиниция как нетипичное правовое средство законодательной техники : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Л. Н. Ушакова. — Тамбов, 2009. — 21 с.
15. Хизов В. Е. Недопустимость злоупотребления правом как теоретическая конструкция / В. Е. Хизов // Юрист. — 2013. — № 5. — С. 41–46.
16. Глухарева Л. И. Юридическая ответственность как правовая конструкция / Л. И. Глухарева // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Сер. Юридические науки. — 2010. — № 3 (3). — С. 44–47.
17. Халабуденко О. А. Некоторые вопросы методологии права: гражданско-правовые прерогативы и юридические конструкции / О. А. Халабуденко // Вестник Пермского университета. Сер. Юридические науки. — 2013. — № 1. — С. 174–187.
18. Философская энциклопедия : в 5 т. / гл. ред. В. Ф. Константинов. — М. : Совет. энцикл., 1970. — Т. 5. — 740 с.
19. Кант И. Сочинения : в 6 т. / И. Кант ; под общ. ред. В. Ф. Асмуса. А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана. — М. : Мысль, 1964. — Т. 3. — 799 с.
20. Бержель Ж.-Л. Общая теория права : пер. с фр. / Ж.-Л. Бержель ; под. общ. ред. В. И. Даниленко. — М. : NOTA BENE, 2000. — 576 с.
21. Лосев А. Ф. Введение в общую теорию языковых моделей / А. Ф. Лосев. — М. : Едиториал УРСС, 1968. — 296 с.
22. Лосев А. Ф. Бытие. Имя. Космос / А. Ф. Лосев. — М. : Мысль, 1993. — 958 с.
23. Алексеев С. С. Восхождение к праву: поиски и решения / С. С. Алексеев. — М. : Норма, 2001. — 576 с.
24. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права / Н. М. Коркунов. — СПб., 1898. — 400 с.
25. Власенко В. А. Логико-языковые требования к юридическим конструкциям / В. А. Власенко // Юридическая техника. — 2013. — № 7, ч. 2. — С. 166–167.

References

1. Vinichenko Yu. V. Requirements in law (general theoretical aspect). *Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii (Baykalskiy gosudarstvennyy universitet ekonomiki i prava) = Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy (Baikal State University of Economics and Law)*, 2010, no. 6. Available at: <http://brj-bguep.ru/reader/article.aspx?id=13987>. (In Russian).
2. Kostyukov A. N. Municipal legal structures. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2002, no. 4, pp. 4–8. (In Russian).
3. Ovchinnikov S. N. Legal structures in customs law. *Pravovedenie = Legal Sciences*, 2008, no. 4, pp. 124–134. (In Russian).
4. Chelyshev M. Yu. On legal structures in the project on amendments and additions to the Civil Code of the Russian Federation. *Grazhdanskoe pravo = Civil Law*, 2013, no. 1, pp. 33–35. (In Russian).
5. Chevychelov V. V. *Yuridicheskaya konstruktsiya. Kand. Diss.* [Legal structure. Cand. Diss.]. Nizhnii Novgorod, 2005. 180 p.
6. Chevychelov V. V. On the subject of the legal structure concept. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie = State Power and Local Self-government*, 2005, no. 11, pp. 27–29. (In Russian).
7. Tarasov N. N. *Metodologicheskie problemy yuridicheskoi nauki* [Methodological issues of legal science]. Ekaterinburg, Humanitarian University Publ., 2001. 264 p.
8. Alekseev S. S. *Izbrannoe* [Selected works]. Moscow, Statut Publ., 2003. 480 p.
9. Cherdantsev A. F. *Logiko-yazykovye fenomeny v prave, yuridicheskoi nauke i praktike* [Logical and linguistic phenomena in law, legal science and practice]. Ekaterinburg, UIF «Наука» Publ., 1993. 192 p.
10. Alekseev S. S. *Pravo na poroge novogo tysyacheletiya. Nekotorye tendentsii mirovogo pravovogo razvitiya — na-dezhda i drama sovremennoy epokhi* [Law at the dawn of the Millennium. Trends of the international legal development: hope and drama of the modern age.]. Moscow, Statut Publ., 2000. 256 p.
11. Smirkina Yu. L. Legal model of public finances: structural approach. *Vestnik Rossiiskoi pravovoi akademii = Bulletin of the Russian Law Academy*, 2011, no. 2, pp. 69–74. (In Russian).
12. Pereverzev V. V. Juridical construction as scientific problem: theoretical-legal aspect. *Filosofiya prava = Philosophy of Law*, 2009, no. 3, pp. 113–116. (In Russian).

LAW AND LEGISLATION

13. Ivanchin A. V. *Ugolovno-pravovye konstruksii i ikh rol' v postroenii ugolovnogo zakonodatel'stva*. Kand. Diss. [Penal structures and their role in creating criminal legislation. Cand. Diss.]. Yaroslavl', 2003. 201 p.
14. Ushakova L. N. *Definitsiya kak netipichnoe pravovoe sredstvo zakonodatel'noi tekhniki*. Avtoref. Kand. Diss. [Delin-eation as an common legal remedy of the legislative technique. Cand. Diss. Thesis]. Tambov, 2009. 21 p.
15. Khizov V. E. Inadmissibility of abuse of rights as a theoretical structure. *Jurist*, 2013, no. 5, pp. 41–46. (In Russian).
16. Glukhareva L. I. Legal liability as the legal construction. *Vektor nauki Tol'yatinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Yuridicheskie nauki = Science Vector of Togliatti State University. Legal Sciences Series*, 2010, no. 3 (3), pp. 44–47. (In Russian).
17. Khalabudenko O. A. Some issues of methodology in law: civil law prerogatives and legal construction. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki = Perm University Herald. Yuridical sciences*, 2013, no. 1, pp. 174–187. (In Russian).
18. Konstantinov V. F. (ed.). *Filosofskaya entsiklopediya* [Philosophical Encyclopedia]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1970. Vol. 5. 740 p.
19. Kant I.; Asmus V. F., Gulyga A. V., Oizerman T. I. (eds). *Sochineniya* [Oeuvre]. Moscow, Mysl' Publ., 1964. Vol. 3. 799 p.
20. Berzhel' Zh.-L.; Danilenko V. I. (ed.). *Obshchaya teoriya prava* [General theory of law]. Moscow, NOTA BENE Publ., 2000. 576 p.
21. Losev A. F. *Vvedenie v obshchuyu teoriyu yazykovykh modelei* [Introduction to the general theory of linguistic models]. Moscow, Editorial URSS Publ., 1968. 296 p.
22. Losev A. F. *Bytie. Imya. Kosmos* [Being. Name. Cosmos]. Moscow, Mysl' Publ., 1993. 958 p.
23. Alekseev S. S. *Voskhozhdenie k pravu: poiski i resheniya* [Ascent to law: searches and solutions]. Moscow, Norma Publ., 2001. 576 p.
24. Korkunov N. M. *Lektsii po obshchei teorii prava* [Lectures on the general theory of law]. Saint Petersburg, 1898. 400 p.
25. Vlasenko V. A. Logical linguistic requirements for legal structures. *Yuridicheskaya tekhnika = Juridical Techniques*, 2013, no. 7, pr. 2, pp. 166–167. (In Russian).

Информация об авторе

Ананьева Анна Анатольевна — кандидат юридических наук, доцент, кафедра гражданского и международного частного права, Саратовская государственная юридическая академия, 410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1, e-mail: annasl@mail.ru.

Author

Anna A. Ananyeva — PhD in Law, Associate Professor, Department of Civil and International Private Law, Saratov State Legal Academy, 1 Volskaya St., 410056, Saratov, Russian Federation, e-mail: annasl@mail.ru.

Библиографическое описание статьи

Ананьева А. А. «Юридическая конструкция»: к вопросу об определении понятия / А. А. Ананьева // Известия Иркутской государственной экономической академии. — 2016. — Т. 26, № 1. — С. 141–148. — DOI: 10.17150/1993-3541.2016.26(1).141-148.

Reference to article

Ananyeva A. A. On the definition of «legal structures». *Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii = Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy*, 2016, vol. 26, no. 1, pp. 141–148. DOI: 10.17150/1993-3541.2016.26(1).141-148. (In Russian).